

КУКУШКА

Осенний лис
Драконовы сны
Руны судьбы
Кукушка

Дмитрий Скирюк

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С42

Разработка серийного оформления
и иллюстрация на переплете *Марии Коняевой*

Скирюк, Дмитрий Игоревич.

С42 Кукушка / Дмитрий Скирюк. — Москва : Эксмо, 2020. — 704 с. — (Осенний лис).

ISBN 978-5-04-107194-3

Любое путешествие рано или поздно подходит к концу. В поисках себя Осенний Лис шел дорогами страданий и скорби, обретал друзей, помогал страждущим, терял надежду... Теперь он наконец узнает, в чем заключается его судьба и истинное предназначение.

Финальный роман тетралогии Дмитрия Скирюка дает нам еще один шанс окунуться в живой и яркий, образный и многогранный мир Осеннего Лиса.

Ку-куш-ка... Слово твое прошлое зовет тебя. Но прежний мир кончился, и все мы стали другими.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Скирюк Д. И., 2020

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-107194-3

Здесь мог бы быть ваш эпиграф

Ниоткуда

По той самой цене, что за небо у птиц,
За мир без границ,
Кто-то падает вверх и взлетает вниз,
Поднимаясь ниц,
Кто-то стучится в тюрьму, не зная, к кому,
А преступник ушёл во тьму,
Кто-то, плача, зовёт из темноты,
Но не меня, и не ты.

АРЕФЬЕВА¹

«**Н**елепо отрицать тот факт, что Бог есть свет».

— Вот уж действительно свежая мысль! — сердито проворчал Золтан Хагг и заёрзал. — А главное — нетривиальная... Аш-Шайтан, да что у меня там такое?

Из земли торчал корень, впивался в задницу. Устроиться удобнее не получалось. Хагг встал, отряхнулся и пересел под другое дерево.

— Посмотрим, что он накропал...

«...Но ещё более нелепо однозначно и с уверенностью утверждать, что свет есть Бог. Противопоставляя одно другому и сравнивая одно с другим, мы не можем утверждать, что свет и Бог одно и то же. Однако наша жизнь и представления о ней есть представления о противоположностях и их борьбе между собой. Наш образ мыслей, наше восприятие действительности удерживают нас меж двух крайностей, всегда меж двух, не более. Свет

¹ Ольга Арефьева, «Ночь в октябре».

и тьма. Чёрное и белое. Добро и зло. Господь и Дьявол. Всё остальное — игра мысли и шатание чувств.

Но, проводя подобные сравнения, должно ли нам тогда судить о Дьяволе как о сущности? Поскольку Бог есть свет и в нём нет никакой тьмы, не значит ли это, что во тьме нет никакого Бога или, паче того, Князя? Ведь первое утверждение вовсе не делает тождественными понятия «бог» и «свет», мы просто утверждаем, что Господь подобен свету по своей природе. Вместе с тем любому ясно, что свет может существовать только во тьме.

Но ведь тьма есть всего лишь отсутствие всякого света!

Итак, поелику теперь нам ясно, что темнота сама существовать не существует (видел кто-нибудь свечу, распространяющую тьму?), она всего лишь отсутствие света, то не следует ли из этого, что добро есть всего лишь отсутствие зла, а Дьявол — отнюдь не суцная персонификация злых сил, но всего лишь отсутствие Бога?»

— Философ хренов, — выругался Золтан, переворачивая страницу. — Эк чего нагородил! Нет чтобы классиков прочесть: Фому хотя бы Ибн Сину... Читал же он Ибн Сину? Читал. Видно, правду люди говорят: «От большого ума лишь сума да тюрьма»... Так. Что дальше?

Он снова наудачу раскрыл травникову тетрадь. Кожаный переплёт негромко скрипнул.

Из всего этого, — бежали дальше косые, с наклоном, неровные строчки, — неизбежен вывод, что постижение природы Бога возможно только рассудительным путём, поскольку Бог (по Платону) полностью принадлежит миру Идей. А стало быть, только постигая Бога рассудком, генерируя в себе Идею, мы и приближаемся к нему, а иного пути не дано, ни глазами, ни ушами, ни иными органами чувств. Фома Аквинат судил об этом так, что в постижении Господа можно опираться только на рассудок и ни на что иное, и писал об этом: «...к исследованию божественной истины только с великим трудом и старанием можно прийти, и немногие хотят взять на себя этот труд из любви к знанию, естественное влечение

к которому Бог, однако, вложил в человеческие умы». Ergo: отсутствие познания, отсутствие рассудочного ведёт к отсутствию в человеке Бога, иначе говоря — ведёт к хаосу и к Дьяволу во человецех. Ведь не впустую сказано: «Ученье — Свет, а неученье — Тьма». Вместе с тем у того же Фома мы встречаем утверждение, что Бог для человека, как конечная цель, не поддаётся постижению разумом вследствие изначальной человеческой несовершенности...»

— Ну что ты будешь делать, а! — воскликнул Золтан и от избытка чувств так хлопнул ладонью по странице, что в лучах рассвета перед ним за клубилась бумажная пыль. — Даже мёртвый, он и то бежит на шаг впереди.

Он закрыл тетрадь и наугад раскрыл её в другом месте.

«Судьба мага — риск. Стезя живого мага — осторожность. Стихия ищущего мага — разум. Как мне объяснить это ребёнку? Детство неразумно и беспомощно, а молодость подчинена страстям, она слепая и безрассудна. Когда дитя украло нож и забавляется с ножом, это опасно прежде всего для него самого, а уж потом для окружающих. Нож отбирают. Есть и другой путь — можно обучить ребёнка, как им пользоваться. Взросление неизбежно. Простая девочка может стать матерью, обычный мальчик — воином. Маг в этом смысле, независимо от пола, одновременно и творец, и деструктор. Магия для него тот же нож, можно использовать её по-всякому.

Но магию так просто не отобрать.

Как тогда обучить его пользоваться? С какого момента ребёнок сам начинает осознавать, что магический «нож» — не игрушка?

Воспитание мага в городе не приносит плодов. Город убивает магию: мёртвый камень, равно как и неживое дерево, выхолащивают суть волибы. Теоретические выкладки пусты и бесполезны. Лишь практикующий маг-травник сохраняет секреты управления могучими силами природы в наше время, когда множество псевдоволшебников беспечно владеют магическими материалами. Ведь именно слушая шёпот древних дубов, вьющейся лозы,

скалистых гор, песков пустыни, люди и научились таинственным силам природы...»

Некоторое время Золтан вчитывался в записи и только изредка плевал на пальцы, чтоб перевернуть страницу. Щурил увечный глаз, часто смаргивал. Почерк был ужасен, автор путался в словах, буквы набегали друг на друга салками и в чехарду, многих не хватало: перо просто не поспевало за ходом мысли. Наконец Золтан сдался и пролистнул несколько страниц. Снова углубился в чтение.

«...несмотря на многочисленные исследования, природа сего тяжкого недомогания до сих пор остаётся загадочной. Единственно понятно, что передаётся оно в ходе плотского соития (хотя не ясно в таком разе, как могут им заболеть малые дети, а такие случаи известны). Парацельс писал, что мог лечить с равным успехом как твёрдый шанкр, так и спинную сухотку, но считал их проявлениями двух различных хворей. Между тем я неоднократно наблюдал, как протекает люэс и одно предшествует другому, и не вижу смысла в подобном разделении...»

— Тут, похоже, что-то про болезни...

«...рыбаки утверждают, будто многократно видели это существо, пытались изловить и многие через то пострадали, а некоторые даже погибли. После юго-западных штормов его нередко встречают в северных водах. Оно не похоже на рыбу или гада, хотя имеет сверху разноцветный плавник или петуший гребень, служащий ему как парус, и скользкие змеиные тела внизу без счёта. Рыбаки зовут его «Португальский кораблик» и, едва завидев вдалеке, стараются уйти оттудова подальше, покуда тварь им ненароком в сети не попала и больших неприятностей не учинила. Думается мне, что на самом деле это...»

— Это про рыбу...

*«...наперстянка, *item*¹ *digitalis* или «рукавички лисьи», при всей своей ядовитости полезна может быть необы-*

¹ Она же (лат.).

чайно при больном сердце. Неоднократно наблюдалось мной, когда сушёных листьев наперстянки небольшая доза, правильно напаренная, большое облегчение сердцем хворому приносит. Мне известны наперстянки ржавые и пурпуровые, но, говорят, на востоке есть ещё несколько разновидов...»

Страницы шелестели за страницами. Налетавший ветерок, уже по-весеннему тёплый и сырой, сгибал им уголки и приносил с поляны запахи дымка, сырой травы и жареного мяса. Наконец донёс и крик.

— Господин Золтан! Ну господин же Золтан! — надрывались на поляне. — Где вы там?

Кусты орешника затрясли голыми ветками и расступились, выпуская на поляну кругленького румяного толстяка в дорожном платье.

— А, вот вы где! — с облегчением сказал он. — Что вы там выпятились на эту вашу книгу, ровно сыч на мышшь в июльский полдень? Идёмте, я уже вас битых полчаса зову.

Тот отмахнулся:

— Не сейчас, Иоганн. Подожди чуть-чуть.

— Да будет вам, идёмте, ну что вы! Мясо пережарится.

— Сними с огня, я скоро подойду. — Золтан рассеянно запрятал выхваченный нож за голенище и снова принялся за чтение.

— Да бросьте, господин Золтан, бросьте. — Толстяк подошёл ближе. — Ни одна книга не стоит того, чтобы пожертвовать ради неё добрым завтраком. Однако экая книжень! Что это у вас? Святое Писание?

Хагт наконец не выдержал и захлопнул тетрадь.

— Эх, Иоганн, Иоганн, вечно у тебя язык бежит вперёд мыслей. Через то и погоришь, попомни моё слово!

Толстяк, которого назвали Иоганном, в ответ лишь беспечно усмехнулся.

— Ай, бросьте, господин Золтан, бросьте. Что меня пугать? Я пуганый. И вешали меня, и стреляли, а я всё живой.

— Ладно, чёрт с тобой, уговорил. Пошли.

Костёрчик на полянке еле тлел. Над огнём румянил спинку выпотрошенный и насаженный на вертел поросё-

нок, среди распакованных вьюков темнели хлеб, бутылка в ивовой оплётке и разнообразные горшочки и пакетики. Чуть в стороне, засунув морды в дорожные торбы, мотали хвостами ослик и стреноженная лошадь, мотали скорее по привычке, чем всерьёз: мух и комаров ещё не было. Царила успокаивающая птичья тишина. Тёмная горбушка неба, видимая в просвете меж деревьев, перилась косыми облачками, белыми и мягкими, как фламандское масло. Весенняя земля дышала влажной женской теплотой.

— Хороший день, — отметил Хагт, усаживаясь у огня на сброшенное седло. Поворошил золу прутиком, откромсал кусочек жаркого. — Неплохо было бы сегодня доехать до корчмы.

— Отчего же сразу не до города? — резонно возразил толстяк. — Бог даст, доедем, да. А правда ваша, господин Золтан, — благодать! И облака опять же.

— А чего облака? — насторожился Золтан.

— Так всё лучше, чем трястись весь день по такой жаротени с потным задом, как вчера! Ой, горчицу забыл. Вот, держите. Да, погодка — фарт, будто не весна, а уже лето. Был бы я помоложе, непременно парочку-другую ходок через горы уже сделал.

— Сиди уж... ходок. И чего шайтан меня дёрнул тебя с собой взять, сам не понимаю.

— А считайте, что это не вы меня взяли, а я за вами увязался. Ведь я чего? Давно уж надоело попусту сидеть, всё думал: подгадаю времечко, да и съезжу в местное аббатство, поставлю за своё здоровье свечечку-другую. А всё не получалось. То заботы, то дожди, а то попутчика хорошего не подворачивалось. А тут — здрастье, нате сразу всё! Ага. Как вы тогда заехали ко мне на той неделе, я и думаю: эге (это, значит, я так подумал тогда: «Эге»), а не пора ли тебе, Иво, прогуляться с господином Золтаном? Подумал и решил: пора. Да... Как вам поросёнок?

— Умгу, — только и смог ответить Хагт с набитым ртом.

А Шольц был прав, весна выдалась чуднее некуда. Настала поздно, началась отменною жарою, а после вдруг ударили морозы, две недели разбавляли паводок дожди,

да так, что снег сошёл и половину польдеров¹ едва не затопило, а к середине апреля распогодилось совсем полетнему, с водой, травой и жаворонком в небе. Деревья и кусты опасно казали запасные почки: мало ли что, ведь первые, обманутые ранней теплотой, поубивало напроочь. Подсохшая земля под тополями была усыпана клейкими чешуйками, до полной зелени осталось три-четыре дня. В самый раз для странников и пилигримов: и заночевать где хочешь можно, и разбойникам пока прятаться негде.

Золтан рассеянно жевал горячее, от души приправленное перцем мясо и размышлял.

Минул почти месяц с той поры, как он обнаружил в лесу разгромленную хижину травника, и на неделю меньше месяца, как выслушал историю сего разгрома от парнишки в кабаке. За это время многое произошло. Он полностью свернул все дела в Маргене и в Лиссбурге, продал постоянный двор и долю в городской торговле, рассчитался с кредиторами, повыколачивал долги из должников и в один прекрасный день исчез, уехав в никуда. Напоминанием о Золтане осталась только вывеска трактира «Пляшущий лис», да и ту новый хозяин грозился заменить — уж очень много подозрительного люда она привлекала.

Исчезнув с глаз долой из сердца вон от всех друзей и недругов, Хагг для начала навестил с полдюжины банкиров и ростовщиков, которым доверял, распорядился денежными средствами, потом заехал к Иоганну и два дня там просидел, не выходя из комнаты, обдумывая планы.

А планов-то как раз и не было. С полным переходом Нидерландов под испанское владычество, со смутой и раздором в государстве любое предприятие становилось делом безнадёжным, если только не затрагивало интересы испанцев или церковников. Война, однако, тоже набирала силу и заканчиваться в скором времени не собиралась.

¹ Польдеры (марши) — низкие луга и заболоченные земли по берегам Северного моря, весьма пригодные для скотоводства и отчасти для земледелия. Отгорожены от моря плотинами и дамбами.

Бывшему начальнику тайного ведомства равно опасно было опираться как на оккупантов, так и на повстанцев. Золтану было без двух месяцев пятьдесят — возраст, когда уже поздно тратить время на мальчишеские авантюры. В таких условиях разумнее залечь на дно или убраться из страны. Хагт выбрал первое. Жена была спроважена в надёжное убежище, с делами завязано, с обязательствами и долгами покончено. Со всеми, кроме одного — последнюю просьбу травника он так и не выполнил, хотя вспоминал о ней пять раз на дню, благо пожелал тот кратко: *«Если сможешь, позаботься о моих учениках»*.

Легко сказать «позаботься»! А как? Пропавший без вести мальчишка и захваченная инквизиторами девка — это вам не недоросль, отданный на воспитание. Даже для опытного авантюриста задача была хоть куда. Хагт мог и отказаться — что он, в конце концов, мог один, без денег, без напарников? Впрочем, тут он лукавил — деньги у него были, и свои, и травниковы. Не великий капитал, но всё лучше, чем ничего. С напарниками тоже не должно было возникнуть проблем. Другой вопрос, нужны ли в таком деле напарники: когда секрет знают двое, это уже не секрет. К тому же все эти смутные намёки, пророчества... Он долго раздумывал, взвешивал все «за» и «против», перечитывал пергамент Лиса с завещанием, силясь понять, о какой угрозе говорил Жуга. Не понял ничего, а посоветоваться было не с кем. Наконец, решив, что надо делать дело, а додумать можно и потом, он заплатил за постой, снарядился, прихватил с собой тетрадь, кошель, клинок и самострел, оседлал лошадь и двинулся в дорогу. В последний момент за ним увязался Шольц, которому на старости лет попало шило в задницу. Объяснить его поступок другими причинами Золтан не мог: никаких выгод это путешествие старому контрабандисту не сулило. Но и прогонять его Золтан не стал: Глюк ауф Иоганн чуял прибыль, словно рак тухлятину — за мило против течения, а мысль о том, что кабатчик мог быть подкуплен инквизицией или другим врагом, Хагт отбросил сразу: слишком хорошо он знал своего напарника.

Пока апрель разменивал на звонкую каплеь холодные флорины мартовских сосулек, Золтан не терял времени и подкупом, обманом и через доверенных людей навёл большие справки и сразу оказался в затруднении. О парне не было ни слуху ни духу, он как сквозь землю провалился. С девчонкой дело тоже обстояло не ахти: юную пленницу как ведьму отвезли в какой-то монастырь — богатый, верный церкви и солидно укреплённый, где и содержали до поры до времени. Сжигать её пока не собирались, но дознание вели. Хагг взвесил шансы на успех в обоих случаях и задумался. Вести поиски в двух направлениях сразу он не мог. С мальчишкой было проще: только и делов — нанять две дюжины людей и прочесать втихую пару городов, десяток деревень, окрестные дороги — наверняка где-нибудь да объявится, уж больно приметный малый. С другой стороны, и опасность парню вряд ли угрожала: если он не дурак и смог так лихо ускользнуть от испанцев, следовало ожидать, что он успешно будет прятаться и далее; парнишка явно родился под счастливой звездой. Спасение же девушки выглядело предприятием рискованным, но отнюдь не безнадежным.

Рассудив, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, Хагг решил осмотреться на месте и теперь потихоньку двигался на юго-восток, листая на привалах пергаменты травника в надежде найти ответы на волнующие вопросы. В любом случае спешить не стоило, время работало на него: раз девку сразу не сожгли, значит, что-то не заладилось, а божьи мельницы мелют медленно — следствие в подвалах инквизиции могло двигаться годами. До прихода настоящего тепла девчонку вряд ли куда повезут. Конечно, оставались ещё пытки и допросы, и тут Хагг мог только уповать на лучшее: весенние дороги развезло, среди спутников брата Себастьяна не было палача, в обители тем более, а дилетант наломает дров. И женщины выносливы.

Так или примерно так рассуждал Золтан, обгрызая мякоть с поросычьей ноги и отхлёбывая из бутылки. Поросянка Шольц зажарил мастерски, поиски горчицы с его стороны являли самоцель: усталость, кислое вино и све-

жий воздух были лучшими из приправ. Приятели сжевали больше половины, когда со стороны дороги послышался далёкий конский топот. Хагт насторожился и на всякий случай притоптал костёр.

Встревожился и Шольц.

— Кого несёт в такую рань? — проговорил толстяк, из-под ладони глядя на дорогу. — Гляньте, господин Золтан: летят, как на скачках. Не иначе курьер какой важный, с охранением. Однако, — он потёр небритый подбородок и хмыкнул, — до ближайшего постоянного двора полдня езды. Что они, ночью, что ли, выехали?

Трудно было с ним не согласиться: судя по звуку, отряд был небольшой, но двигался уверенным галопом; ни дворянские кортежи, ни купцы с охраной так не ездят, а боевых действий поблизости не велось, так что разведка тоже исключалась. Оставались только гонцы. Или...

Золтан напрягся. Прочие предположения не вызвали прилива оптимизма. Он торопливо вытер руки, зарядил арбалет и спрятал его под дорожными сумками.

Через минуту в просвете меж деревьев уже можно было разглядеть силуэты трёх всадников и двух заводных лошадей, навьюченных припасами. Возле поворота на тропу, ведущую к поляне, где странники устроили ночлег, загадочный отряд замедлил ход, чуток замешкался и... повернул. На беду, голые стволы деревьев не могли скрыть ни костра, ни людей.

Иоганн заёрзал — похоже, тоже что-то понял.

— Эге. Уж не по наши ли души ребята, а, господин Золтан?

Хагт не ответил.

Всадники тем временем приблизились и осадили лошадей. Воцарилась тишина, нарушаемая треском угольков, дыханием животных и звяканьем удил. Даже птицы перестали петь. Пять человек с молчаливой насторожённостью рассматривали друг друга.

— Так-так. Золтан Хагт, — констатировал один из верховых, по-видимому, предводитель — дородный, грузный мужчина в сером дорожном платье, не уступающий в объ-

ёмах толстяку Иоганну, и отбросил за спину капюшон. — Наконец-то мы вас нагнали. Что же, что же. Добрый день.

— Вы? — Хагг в удивлении поднял бровь. — Какими судьбами? Вот уж кого не ожидал встретить.

— А кого ожидали? — желчно поинтересовался тот. — Папу Римского? Герцога Вильгельма? Святого Иосифа с зацветшим посохом?¹

— Я предпочёл бы вообще никого не встречать, — сухо отозвался Золтан. — Что вам от меня надо?

— А вы не очень-то любезны.

— Вы тоже, господин Андерсон. Кто это с вами? — Золтан выгнул шею, сиюсь заглянуть ему за спину, и кивнул, узнавая: — Ба! Никак Матиас Румпель собственной персоной.

Поименованный привстал на стременах и подался вперёд: не поклон, а так, «моё почтенье». Выглядел он несколько смущённым.

— Здравсьте, господин Золтан.

— Здравствуй, здравствуй. — Он уже вглядывался в следующего. — А вас, юнкер, я, кажется, раньше не видел. Или видел? Мне почему-то знакомо ваше лицо.

— Моё имя Рутгер, — с явной неохотой представился тот.

— Рутгер? Ах, Рутгер... Наслышан. Если вы, конечно, *тот самый* Рутгер Ольсон.

Рослый холодноглазый парень каменно проигнорировал намёк, и Золтан повернулся к Андерсону:

— Занятную компанию вы себе подобрали.

— Да, я не жалуюсь. Ну что же, — подвёл итог предводитель отряда, — раз так, полагаю, на этом церемонию знакомства можно считать законченной. Вы позволите нам спешиться?

— Да бога ради! — Хагг развёл руками. — Если хотите, можете даже присоединиться к нашей скромной трапезе. Иоганн, будь другом, подбрось-ка дров в огонь, только не

¹ Святой Иосиф — покровитель Нидерландов, его символ — цветущий посох.